

РЕЦЕНЗИИ

М. В. Голомидова

Рец. на кн.: *Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым.* — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

В монографии представлено первое комплексное лингвистическое и историко-культурное описание топонимии одного из регионов Западной Сибири — бассейна реки Казым. В настоящее время в Западной Сибири на территориях промышленного освоения природных ресурсов в связи с социально-экономическими и демографическими изменениями повсеместно происходят необратимые процессы, которые приводят к разрушению традиционного хозяйственного уклада коренных народов и к безвозвратному исчезновению местных топонимических систем. В этих условиях проблема сохранения, сбора и изучения топонимии коренных народов Севера чрезвычайно актуальна.

Казымский регион представляет особый интерес для лингвистического и лингвокультурологического описания, поскольку на этой территории еще сохраняется живая хантыйская и ненецкая топонимия, здесь имели место в прошлом и продолжают до сих пор многосторонние этнические контакты. Сложное взаимодействие языков и культур находит своеобразное отражение в местных географических названиях.

Исследование Т. Н. Дмитриевой основано на обширном и уникальном материале (около 2,5 тысяч топонимов), который в течение 17 лет автор собирал в ходе полевых экспедиций и дополнял сведениями из многочисленных письменных источников, что позволило ввести в научный оборот новые языковые факты.

В вводном первом разделе монографии освещаются вопросы, традиционные для регионального топонимического исследования: описываются физико-географические особенности бассейна реки Казым, история Казымского края, этническая ситуация в регионе, этапы научного изучения бассейна реки Казым. Автор анализирует предшествующую лингвистическую литературу по топонимии ханты и ненцев, рассматривает проблемы транскрипции и транслитерации хантыйс-

ких топонимов, особенности казымского диалекта и его говоров, представленных в топонимии.

Во втором разделе монографии («Структура хантыйских топонимов») анализируется компонентный состав топонимов, их структурные типы и модели. Поскольку структура географических имен в хантыйском языке двучленна — включает детерминант (географический термин) и атрибутив (определение к нему), автор последовательно описывает возможные варианты организации атрибутивной части с помощью компонентов разной грамматической семантики: существительных, прилагательных, числительных, местоимений, наречий, глагольных форм, послелогов. Наибольшая частотность в роли строительных элементов отмечена у существительных и прилагательных, малая, но равномерная продуктивность — у причастий.

На фоне полносоставных структур рассматривается типичное для финно-угорской топонимии явление эллипсиса — сокращения полной формулы наименования за счет выпадения одного или нескольких его компонентов. Последствиями эллипсиса становится исчезновение указания на тип называемого объекта и утрата связей с производящим топонимом: *aj χār sā ηχəm kqrt* «Селение у Маленького чистого яра» → *aj χār sā ηχəm! sūmət nōl kqrt* «Селение у Березового мыса» → *sūmət nōl* = русск. д. Сомутнёл, Сомутнёлы; *lōti paj jōχəm* «Бор с буграми и ямами» → *lōti paj! χīšəη jōχəm kqrt* «Селение у Песчаного бора» → *χīšəη kqrt! tūŋk sōrt aj jōχən sā ηχəm* «Яр Маленькой реки мохового перешейка» → *tūŋk sōrt sā ηχəm*).

Иную тенденцию к формальному и семантическому сближению демонстрируют комплексы географических имен, объединенных главным производящим топонимом: *χqnti wqri* «Илистая старица» → *χqnti wqri jōχəm* «Бор Иистой старицы» → *χqnti wqri jōχəm kqrt* «Селение (изба) Бора Иистой старицы»; *lūŋ kqrt jōχən* «Река летнего селения» → *lūŋ kqrt jōχən nārkeŋ lər* «Ершовое озеро Реки летнего селения», → *lūŋ kqrt jōχən tīj lər* «Озеро вершины Реки летнего селения»). Маркируя территориально соотнесенные объекты, комплексы топонимов являются сильным системообразующим фактором и помогают пространственной ориентации.

Такого рода комплексы-микросистемы, в целом свойственные топонимии финно-угорских народов, с одной стороны, можно расценивать как результат влияния грамматического агглютинативного строя на структурно-словообразовательные свойства географических имен, с другой стороны — как одно из средств формирования языковой картины мира.

Третий раздел монографии («Детерминанты сложных топонимов: семантика и функционирование») посвящен выявлению и анализу географических терминов в составе топонимов, описанию особенностей их содержания и употребления. Автор классифицирует хантыйские географические детерминанты на термины, обозначающие природные (1) и культурные (2) объекты. К первым относятся многочисленные названия водных объектов (река, ручей, протока, озеро, старица), болот и их частей; лексемы, называющие положительные формы рельефа и

ландшафта, и др. Вторую группу представляют названия, обозначающие типы поселений, обжитые места, а также реалии, непосредственно связанные с промысловой и хозяйственной деятельностью человека (постройки, дороги, просеки). В количественном отношении преобладают «природные» детерминанты, причем более половины терминов приходится на наименования водных объектов. Это свидетельствует не только об особенностях географической реальности, но и о приоритетном значении водных объектов для жизни ханты.

На основе анализа полевого материала и сведений из письменных источников Т. Н. Дмитриева выявляет пласт общехантыйских географических терминов, отраженных в топонимии, и лексемы, специфичные именно для казымского диалекта, к таковым, в частности, отнесены *хэһхэлт* ‘овраг, русло, ручей’, *хөһэт* ‘топкое болото’, *хөр* ‘просека (для перевеса)’. Оценивая казымский материал, автор выявляет новые единицы, прежде не рассматривавшиеся в топонимической литературе и не зафиксированные в словарях хантыйского языка, находит соответствия между казымскими терминами и терминами других диалектов, приводит сведения о расширении семантики некоторых казымских терминов. Своеобразие местной терминологии объясняется за счет двух основных причин: первая из них — заимствования их языка коми (например, *wīs* ‘проток, ручей’), вторая — развитие географической семантики у хантыйских лексем за счет метафорических и метонимических переносов: *wīs* ‘проток, ручей’, также ‘низина’ (метафора из *wbs* ‘отверстие, дыра’); *jan̄k* в значении ‘прямая протока’ (метафора из *jan̄k* ‘палка, гвоздь’); *paw* в значении ‘гора’ (метафора из *paw* ‘зубец орнамента’).

Четвертый раздел монографии («Атрибутивная часть топонимов: Природа и человек в зеркале хантыйской топонимии Казыма») — наиболее объемный и наиболее насыщенный языковым материалом раздел работы. В его основу положено семантическое описание материала, выполненное в русле традиционного подхода — в виде классификации топонимов по тематическим группам. Однако автор не ограничивается формальным семантическим распределением топонимических компонентов и, используя обширные сведения о называемых объектах, полученные от информантов, учитывает возможность характеристики материала по принципам номинации. В качестве основных принципов номинации (обобщенных мотивировочных признаков) вслед за Н. Б. Ковалевой названы три: 1) номинация, характеризующая связь объекта с другими географическими объектами; 2) номинация, отражающая свойства и качества самого объекта; 3) номинация по связи с человеком и его деятельностью.

Приведенные языковые факты свидетельствуют, что мотивировка хантыйских топонимов отражает общие, универсальные топонимические закономерности: в числе мотивировочных признаков есть указания на особенности ландшафта, расположение, форму, размеры, цвет объекта, растительный и животный мир и т. д. Специфику казымской топонимии составляют метафорические названия (например, *tōxət sǎŋxəm* «Распорка (перекладина) в лодке — яр», *ĩnti lər* «Тетива — озеро», «Озеро тетивы», *kenas sǎjəm* «Берестяная бочка — ручей», «Ручей берестяной бочки», *nar wɛnʂər sǎŋxəm* «Яр с голым (чистым) лицом») и многочислен-

ные событийные топонимы: *χər əŋət sewrəm səjəm* «Ручей, где срубили рога быку-олению», *tʲiŋsʲaŋ sewəm kal* «Болото, где плели аркан», *lʲiŋk katləm səŋχəm* «Яр, у которого поймали глухаря». Такие имена, подчеркивает автор, выявляют специфику образного народного видения и характерны для топонимических систем народов, сохраняющих черты традиционного образа жизни.

Интересный с точки зрения лингвокультурологии материал размещен в очерках, посвященных отражению в топонимии традиционной материальной и духовной культуры ханты. В зеркале географических имен представлены традиционные формы хозяйства и природопользования (рыболовство, охота, оленеводство), отношение к домашним животным, а также связанные с традиционным образом жизни реалии материальной культуры (пути и средства передвижения, постройки, предметы быта и домашнего хозяйства, типы поселений). Подробным культурологическим комментарием снабжены названия, соотнесенные с религиозно-мифологическими представлениями казымцев. Разные в жанровом отношении фольклорные тексты, мифологические сюжеты, рассказы информантов в этой части авторского описания служат тем необходимым фоном, на котором рельефно проступает смысловая нагрузка священных образов и сакральных атрибутов, нашедших воплощение в географических именах. Топонимический материал, в свою очередь, позволяет дополнить и углубить реконструируемые фрагменты традиционной картины мира у ханты, во многом сохраняющей реликты религиозно-мифологического видения.

В пятом разделе монографии рассматриваются лингвоэтнические контакты на Казыме и их отражение в топонимии. Топонимия бассейна р. Казым является источником ценной информации не только о ханты, но и о других народах региона. Т. Н. Дмитриева исследует языковое взаимодействие ханты с коми, ненцами, манси и русскими, убедительно раскрывает роль этих процессов в формировании местной топонимической системы. Уникальный материал этого раздела — топонимия лесных ненцев, до сих пор не привлекавшая внимания лингвистов.

Обобщая впечатления от рецензируемой работы, выделим наиболее значимые достижения автора:

Лингвокультурологическая ценность предпринятого исследования состоит в том, что хантыйская топонимия бассейна реки Казым впервые представлена как энциклопедия языка, истории и традиционной культуры одного из коренных этносов Севера.

Итогом историко-лексикологических изысканий стало восстановление целого ряда хантыйских топонимов из деэтимологизированных форм или из форм, адаптированных на русской почве. В составе топонимов обнаружены лексемы казымского диалекта, ранее не отмеченные в словарях хантыйского языка. Предприняты попытки этимологической интерпретации названий неясного происхождения.

Считаем, что фактографическая сторона работы и полученные результаты полезны для дальнейшего изучения топонимии Западной Сибири, в том числе многоконтактных территорий традиционного проживания ханты, ненцев, коми.

Выводы и наблюдения, содержащиеся в монографии, могут быть использованы для решения проблем ряда гуманитарных наук: общего и финно-угорского языкознания, этимологии, ономастики, этнолингвистики, истории и диалектологии хантыйского и ненецкого языков. Новый языковой материал, представленный в монографии, может найти применение при подготовке словарей хантыйского языка, в процессе вузовского и школьного обучения, в культурно-просветительской работе.

А. С. Козлов

Рец. на кн.: Mathisen Ralph W. People, Personal Expression, and Social Relations in Late Antiquity: 2 Vol. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. Vol. 1 – 298 p.; Vol. 2 – 248 p.

Двухтомник Ральфа В. Матисена основной своей целью ставит построение репрезентативного ряда сведений из источников, который охватывал бы четырехсотлетний период истории Римской империи от правления Галлиена до гибели императора Ираклия. Результатом такой конструкции предполагается базирующийся на этих сведениях последовательный рассказ, который, по мысли автора, позволяет «глубоко проникнуть в людскую среду поздней античности»; «при сосредоточении внимания на ее гуманитарной стороне – на личных взаимоотношениях людей, их предубеждениях, амбициях, ошибках, добрых делах, успехах и неудачах» (р. X–XI). Кроме того, Матисен обещает, что развитие позднеантичного общества будет рассматриваться с позиции тех, кто переживал это развитие и влиял на характер его деталей. Иначе говоря, метод достижения поставленной Матисеном цели заключается в увязке первоисточников (иногда довольно значительного объема) с аналитическим рассказом. Признавая, что такой труд иногда может выливаться в описание анекдотической конкретики частной жизни, исследователь, тем не менее, думает, что результатом его окажется иллюстрация вариативности жизненных ситуаций тех, кто жил в рассматриваемую эпоху.

После краткого предисловия, акцентирующего внимание на этих задачах, автор предуведомляет, что хронологические и тематические рамки монографии лимитированы: объектом изысканий является поздняя античность и те провинции, которые составляли Галлию. Поздняя античность, с одной стороны, неотделима от конца классической античности, а с другой — от начала европейского Средневековья, однако Матисен, следуя за таким специалистами, как П. Браун, полагает, что это была в то же время самодовлеющая эпоха. Сутью ее являлось то, что это было временем социального разрушения (*social disruption*), вызываемого тремя явлениями — возвышением христианской церкви, дезинтеграцией былой Римской империи и учреждением варварских королевств.

Когда при анализе сообщений предлагаемых в первом томе переводов из источников Матисен исследует, насколько это позволяет ему его методика, какую-либо крупную общественную группу, он пытается рассмотреть ее развитие с по-